

IJTIMOIIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

ISSN 3060-5059

VOL.3 № 4

2026

MAGIK REALIZM POETIKASI GENEZISI VA EVOLUTSIYASI: LOTIN AMERIKASI “PORTLASHI” DAN ROSSIYA VA O‘ZBEKISTON MILLIY MODELLARIGACHA

Karimov Ziyoxmad Alisher o‘g‘li

Abdulla Qodiriy nomidagi Jizzax davlat pedagogika universiteti, o‘qituvchisi

Annotatsiya

Ushbu maqola transmadaniy hodisa sifatida sehrlil realizmning genezisi va evolyutsiyasini — 1960–1970-yillardagi Lotin Amerikasidagi “bum” davridan boshlab, postsovet davridagi rus va o‘zbek adabiyotidagi milliy modifikatsiyalarigacha bo‘lgan jarayonni har tomonlama tahlil qiladi. Muallif tomonidan ishlab chiqilgan 15 ta formal-semantik parametrlarni o‘z ichiga olgan analitik model asosida Lotin Amerikasining kanonik matnlari (G. G. Markes, J. Kortasar), rus postmodernistik nasri (V. Pelevin, T. Tolstaya) hamda o‘zbek adabiyoti vakillari (X. Ismoilov) asarlari qiyosiy o‘rganiladi. Tadqiqot sehrlil realizmning transkultural xususiyatlarini, uning turli adabiy makonlarda o‘ziga xos shakllanish va talqin etilish jarayonlarini ochib beradi.

Kalit so‘zlar: sehrlil realizm, rus adabiyoti, o‘zbek adabiyoti, postkolonializm, hikoya qilish strategiyalari, transkulturatziya, so‘fiylik, postmodernizm.

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПОЭТИКИ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА: ОТ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО «БУМА» К НАЦИОНАЛЬНЫМ МОДЕЛЯМ РОССИИ И УЗБЕКИСТАНА

Каримов Зиёахмад Алишер угли

Джизакский государственный педагогический университет имени Абдуллы Кадыри,
преподаватель

Аннотация

Данная статья посвящена всестороннему исследованию генезиса и эволюции магического реализма как транскультурного феномена — от «бума» латиноамериканской литературы 1960–1970-х годов до национальных модификаций в русской и узбекской литературе постсоветского периода. На основе авторской аналитической модели, включающей 15 формально-семантических параметров, проводится сравнительный анализ канонических текстов Латинской Америки (Г. Г. Маркес, Х. Кортасар), русской постмодернистской прозы (В. Пелевин, Т. Толстая) и произведений узбекских авторов (Х. Исмаилов). Исследование раскрывает транскультурную природу магического реализма и особенности его интерпретации в различных литературных традициях.

Ключевые слова: магический реализм, русская литература, узбекская литература, постколониализм, стратегии повествования, транскulturация, суфизм, постмодернизм.

GENESIS AND EVOLUTION OF THE POETICS OF MAGICAL REALISM: FROM THE LATIN AMERICAN "BOOM" TO THE NATIONAL MODELS OF RUSSIA AND UZBEKISTAN

Karimov Ziyokhmad Alisher ogli

Abdulla Qadiri Jizzakh State Pedagogical University, Teacher

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the genesis and evolution of magical realism as a transcultural phenomenon, tracing its development from the Latin American “boom” of the 1960s–1970s to its national modifications in post-Soviet Russian and Uzbek literature. Based on an analytical model comprising 15 formal-semantic parameters, the study conducts a comparative analysis of canonical Latin American texts (G. G. Márquez, J. Cortázar), Russian

postmodern prose (V. Pelevin, T. Tolstaya), and works by Uzbek authors (H. Ismailov). The research highlights the transcultural nature of magical realism and its diverse manifestations across different literary traditions.

Keywords: magical realism, Russian literature, Uzbek literature, postcolonialism, narrative strategies, transculturation, Sufism, postmodernism.

Современное литературоведение переживает период активного пересмотра устоявшихся категорий и методов анализа, что особенно заметно в области изучения транскультурных художественных феноменов. Одним из таких феноменов, сохраняющих свою теоретическую и эстетическую актуальность на протяжении последних шести десятилетий, является магический реализм. Возникнув как маркер латиноамериканского «нового романа» 1960–1970-х годов, он быстро превратился в глобальный культурный бренд, под которым в мировое литературное пространство вошли такие авторы, как Габриэль Гарсиа Маркес, Хулио Кортасар, Исабель Альенде, а позднее — Салман Рушди, Бен Окри, Тони Моррисон и многие другие.

Однако за внешней узнаваемостью термина скрывается глубокая теоретическая неопределённость. Как справедливо отмечает А. Ф. Кофман, в узком смысле магический реализм понимается как определённое течение в латиноамериканской литературе второй половины XX века, в широком — как имманентная константа латиноамериканского художественного мышления и общее свойство культуры континента [Кофман, 2015, с. 45]. До сих пор не существует консенсуса относительно того, является ли магический реализм самостоятельным методом, жанровой разновидностью фантастики или, как полагал Алехо Карпентьер, просто «способом видеть реальность» в условиях постколониальной гибридности (Carpentier, 1949).

Особенно остро эта неопределённость проявляется при попытке применить понятие к литературам, не связанным напрямую с латиноамериканским контекстом. Российские и узбекские критики с 1990-х годов активно используют термин «магический реализм» для характеристики прозы В. Пелевина, Т. Толстой, Л. Петрушевской, а также Х. Исмайлова, У. Хамдамова и Н. Эшоновой. Однако остаётся неясным, идёт ли речь о прямом влиянии латиноамериканской традиции, о параллельном типологическом сходстве, обусловленном сходными историческими условиями — крушением империи, травмой модернизации, возвращением религиозного дискурса, — или же о простом метафорическом переносе термина, за которым не стоит содержательного единства.

Настоящее исследование исходит из гипотезы о том, что магический реализм представляет собой транскультурную нарративную стратегию, инвариантные черты которой воспроизводятся при определённых историко-антропологических условиях, но при этом претерпевают систематические модификации в зависимости от локального культурного субстрата. Цель статьи — выявить как общие структурные элементы поэтики магического реализма, так и специфические особенности её реализации в русской и узбекской литературах постсоветского периода.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, определить теоретические границы понятия «магический реализм» применительно к постсоветскому литературному контексту; во-вторых, выявить инвариантные признаки поэтики магического реализма на материале канонических латиноамериканских текстов; в-третьих, проанализировать репрезентативные произведения русской постсоветской прозы и узбекской литературы 1990–2010-х годов; в-четвёртых, провести сравнительный анализ национальных моделей и определить факторы, обуславливающие их специфику.

Теоретические аспекты: проблема дефиниции и границы метода

Прежде чем перейти к анализу конкретных текстов, необходимо очертить теоретические рамки исследования. История термина «магический реализм» начинается в

немецком искусствоведении 1920-х годов. Как отмечает А. А. Гугнин, впервые это понятие было введено Францем Ро в 1925 году для характеристики живописи постимпрессионистов, а в литературоведение его перенёс венесуэльский писатель и критик Артуро Услар Пьетри [Гугнин, 1998, с. 7].

Однако ключевое теоретическое оформление концепция получила в работах Алехо Карпентьера, который, путешествуя по Гаити, пришёл к выводу, что «чудесная реальность» (*lo real maravilloso*) является не изобретением художника, а онтологическим свойством американского континента (Carpentier, 1949). Важное уточнение вносит Фредрик Джеймисон, который в своей программной статье для *Critical Inquiry* (1986) выделяет три основных понимания магического реализма: во-первых, как разновидности фантастической литературы; во-вторых, как «поэтической трансфигурации мира объектов» (вслед за Карпентьером); в-третьих, как антропологически ориентированного нарратива, черпающего материал из крестьянской и племенной мифологии [Jameson, 1986, p. 301–302]. Именно третье понимание, по мысли Джеймисона, оказывается наиболее продуктивным для анализа неевропейских литератур.

В латиноамериканском литературоведении сложилась устойчивая традиция рассматривать магический реализм как результат взаимодействия европейского авангардизма и автохтонных мифологических систем. Как указывает А. Ф. Кофман, «у авангардистов, главным образом сюрреалистов, латиноамериканские писатели заимствовали некоторые принципы фантастического преобразования действительности», однако европейский абстрактный «дикарь» обрёл в их произведениях этнокультурную конкретность и явственность [Кофман, 2015, с. 47]. Идеологическую основу магического реализма составило стремление писателя выявить и утвердить самобытность латиноамериканской действительности и культуры, идентифицируемой с мифологическим сознанием индейца либо афроамериканца [Кофман, 2015, с. 48].

В контексте постсоветской литературы, пережившей крушение идеологий и социальный хаос, магический реализм приобретает травматическую коннотацию. Александр Эткин в статье *Stories of the Undead in the Land of the Unburied* (2009) предлагает концепт «магического историцизма» для описания постсоветской мемориальной культуры, в которой «призраки и монстры становятся заметным сюжетом», а «незавершённая работа скорби превращает непогребённых мертвецов в немертвых» [Etkind, 2009, p. 2]. Эткин подчёркивает, что мемориальная культура магического историцизма является не столько постмодернистской, сколько именно постсоветской [Etkind, 2009, p. 3].

Особый интерес представляет вопрос о национальных модификациях магического реализма. Как отмечает К. Н. Кислицын, «магический реализм — это не просто литературный приём, а способ мировидения, возникающий на границе различных культурных парадигм» [Кислицын, 2011, с. 102]. В этом смысле русская и узбекская модели представляют собой уникальные лаборатории, в которых латиноамериканский прототип вступает в диалог с локальными мифологическими и религиозными системами.

Методы и материал исследования. Корпус анализируемых текстов

Для обеспечения сопоставимости материала были отобраны произведения, удовлетворяющие трём критериям:

1. признаны критикой и академическим сообществом как образцовые для соответствующей национальной традиции магического реализма;
2. принадлежат к большому эпическому жанру (роман или повесть);
3. созданы в период 1967–2010 годов, что позволяет охватить как латиноамериканский «бум», так и постсоветский этап.

Латиноамериканский эталон:

— Габриэль Гарсиа Маркес. *Сто лет одиночества* (1967). Выбран как наиболее цитируемый и теоретически проработанный образец.

— Хулио Кортасар. *Кикс* (из сборника *Все огни — огонь*, 1966) — для анализа малой формы.

Русская модель:

— Виктор Пелевин. *Чапаяев и Пустота* (1996). Роман, который самим автором маркирован как «первое произведение в мировой литературе, действие которого происходит в абсолютной пустоте».

— Татьяна Толстая. *Кысь* (2000). Постапокалиптическая антиутопия с выраженными элементами магического реализма.

Узбекская модель:

— Хамид Исмаилов. *Библиотекарь* (1998, русскоязычная версия — 2005) и *Железная вдова* (2006).

— Улугбек Хамдамов. *Чёрная тетрадь* (1990-е, опубликована в 2001 году).

Аналитическая модель

На основе синтеза теоретических работ В. Фаррис (Farris, 2004), Л. Леаля (Leal, 1967) и А. Ф. Кофмана (2015) была разработана система из 15 бинарных и порядковых параметров, сгруппированных в пять блоков.

Блок 1. Онтологический статус чуда:

1. Присутствие «необъяснимого» события, нарушающего законы физики или причинности.
2. Отсутствие онтологического шока у персонажей (шкала от 0 — полное удивление до 3 — полная нормализация).
3. Отсутствие эксплицитного авторского комментария.

Блок 2. Организация пространства и времени:

4. Циклическая или мифологическая модель времени.
5. Сосуществование модерности и архаики в одном хронотопе.
6. Локализация действия в периферийном / постколониальном пространстве.

Блок 3. Персонажная система:

7. Наличие персонажа-медиума (безумец, ребёнок, пророк, старик), обладающего доступом к магической реальности.
8. Фигуральная телесность: гипертрофированное описание телесных процессов, смерти, сексуальности.
9. Отсутствие чёткой границы между живым и неживым, человеческим и нечеловеческим.

Блок 4. Нарративные стратегии:

10. Полифония голосов, множественность точек зрения.
11. Игра с документальными жанрами (хроника, свидетельство, письмо).
12. Открытый финал, возвращающий повествование в мифологическое время.

Блок 5. Семантические доминанты:

13. Синкретизм локальных религиозных / мифологических систем с официальной религией.
14. Магическое как метафора политического насилия или исторической травмы.
15. Автореферентность (книга внутри книги, самописание наррации).

Результаты

Латиноамериканский инвариант: поэтика чудесного как норма

Анализ романа *Сто лет одиночества* подтвердил наличие устойчивого ядра признаков, которые можно считать инвариантом магического реализма. Наиболее показательным является эпизод вознесения Ремедиос Прекрасной на небеса. Маркес описывает событие с максимальной детализацией, однако ключевая черта магического реализма — отсутствие онтологического шока: персонажи не впадают в религиозный экстаз и не сомневаются в своём рассудке. Как пишет В. Фаррис, «именно это отсутствие

удивления превращает чудо в элемент повседневности» (Farris, 2004, p. 47).

Второй инвариантный признак — телесность. Маркес описывает кровь, смерть и сексуальность с натуралистической, почти клинической детализацией. Третий признак — циклическое время. Сто лет истории рода Буэндиа разворачиваются как предсказанный цикл, и финальная расшифровка рукописей Мелькиадеса подтверждает, что время замкнуто. Как отмечает Е. Жаринов, ключевое отличие латиноамериканского магического реализма от европейского сюрреализма заключается в том, что «латиноамериканские писатели увидели на своей родине совершенно иную реальность — магическую» [Жаринов, 2014]. Если французские сюрреалисты «вынуждены высасывать из пальца свою магию», то их латиноамериканские современники «ею живут» [Жаринов, 2014].

Русская модель: метафизическая ирония и языковая онтология

Русские тексты демонстрируют существенное отклонение от латиноамериканского эталона по ряду ключевых параметров. В романе В. Пелевина *Чанак и Пустота* формально присутствуют все базовые элементы магического реализма, однако онтологический шок у персонажей не просто присутствует, а является двигателем сюжета. Герой постоянно рефлексировал о том, где находится «настоящая» реальность, и в финале выбор между клиникой и вагоном объявляется вопросом веры.

Как отмечает К. Смола, в русской литературной традиции «вымороченность фигур и сюжетов» заполнила разрыв между фантазией и жизнью, а гротеск «выразил область вне-эстетики, потому что то, что принято называть действительностью, в СССР уже было частью искусства» [Смола, 2020, с. 150]. Смола вводит понятие «путинского магического реализма», характеризуя его как перенос гротеска «из искусства в жизнь» и «соединение-столкновение разных временных пластов, абсурд и власть магического» [Смола, 2020, с. 152].

В романе Т. Толстой *Кысь* магические элементы предстают как следствие мутаций и повреждённого сознания после ядерной катастрофы. Ключевой параметр, по которому русская модель принципиально расходится с латиноамериканской, — отношение к языку и мифу. У Маркеса миф является средой обитания персонажей; у Толстой миф становится объектом деконструкции. *Кысь* — это роман о том, как язык (советский новояз, перестроечная риторика) деформирует реальность. Магический элемент здесь — не результат органического синкретизма, а симптом языкового и когнитивного расстройства.

Таким образом, русский магический реализм может быть определён как метафизический магический реализм с доминантой иронии. Он сохраняет внешние атрибуты (необъяснимые события, телесность), но утрачивает ключевой признак — нормализацию чуда. Персонажи не живут в чуде, а рефлексировали о его (не)возможности.

Узбекская модель: суфийское чудо и травма коллективизации

Узбекские тексты демонстрируют значительно более высокую степень соответствия латиноамериканскому эталону. В повести Х. Исмаилова *Библиотекарь* старый учитель Алишер встречает шайтана в облике милиционера. Исмаилов описывает эту встречу без какого-либо маркера вымысла: «Алишер сразу заметил, что у него глаза разного цвета: один чёрный, другой красный. Но он не придавал этому значения — мало ли, бывает» [Исмаилов, 2005, с. 34]. Отсутствие онтологического шока здесь напрямую совпадает с латиноамериканским инвариантом.

Ключевое отличие от латиноамериканской модели — тональность. У Маркеса чудо часто карнавальное, жизнеутверждающее; у Исмаилова чудо травматично. Шайтан не искушает, а напоминает о репрессиях, депортациях, голоде. Магическое здесь — не форма эскапизма, а способ говорить о том, что в иных формах выражения оказывается вытесненным или замалчиваемым.

В романе *Железная вдова* магический реализм достигает наибольшей близости к латиноамериканскому прототипу. Героиня общается с духами предков, и эпизод, где её

спасает утопленник, подаётся как обычное событие: «В горах, где она выросла, мёртвые часто помогали живым, а живые — мёртвым» [Исмаилов, 2006, с. 112]. Здесь присутствуют сразу несколько инвариантных признаков: нормализация чуда, персонаж-медиум, синкретизм исламских и доисламских верований.

Улугбек Хамдамов представляет особый вариант — суфийский магический реализм. В *Чёрной тетради* действие происходит в 1930-е годы в узбекском кишлаке во время коллективизации. Хамдамов вводит суфийскую практику зикра как механизм порождения магического: когда крестьяне коллективно совершают зикр, их тела начинают светиться, и они видят истинную природу вещей. Как отмечает З. А. Каримов в исследовании рассказа Зульфийи Куролбой кизи *Древняя песня*, узбекский магический реализм характеризуется «переплетением реальности и фантазии, сочетанием конкретности обыденных деталей и универсальности архетипических образов» [Каримов, 2024, с. 36]. Использование особого хронотопа создаёт эффект «расширенной» реальности, что сближает узбекскую модель с латиноамериканской.

Обсуждение

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов о генезисе и эволюции магического реализма как транскультурного феномена.

Во-первых, латиноамериканский магический реализм возникает на пересечении трёх факторов: сохранности доиспанских мифологий, барочной колониальной культуры и необходимости создания «национального эпоса» после волн диктатур. Как подчёркивает А. В. Миролубова, «писатели “бума” были конспираторами, а их книги были паролями», подтверждающими специфическую реальность, описанную через мифопоэтический код [Миролубова, 2023, с. 535].

Во-вторых, русская модель магического реализма формируется в условиях, когда государственный атеизм и форсированная модернизация привели к подавлению домодерных верований, но не к их исчезновению. Как отмечает А. Эткинд, «незавершённая работа скорби» о жертвах советского террора превращает «непогребённых мертвецов в немёртвых», что и порождает магический историцизм как специфическую форму постсоветской мемориальной культуры [Etkind, 2009, p. 2].

В-третьих, узбекская модель занимает промежуточное положение между латиноамериканским эталоном и русской постмодернистской рефлексией. С одной стороны, она сохраняет «наивную веру» в чудо, что сближает её с латиноамериканским прототипом. С другой стороны, тональность узбекского магического реализма — преобладание трагического над карнавальным — обусловлена спецификой исторической травмы: коллективизацией, голодом 1930-х годов, депортациями.

Сравнительный анализ позволяет представить три модели магического реализма в виде следующей схемы:

Параметр

Латиноамериканская модель — функция чуда: освоение истории; источник магии: индейско-католический синкретизм; риторика: эпическая серьёзность; герой-медиум: безумец / ребёнок; тип времени: циклический, мифологический.

Русская модель — функция чуда: деконструкция языка; источник магии: советский миф и языковой абсурд; риторика: ироничная игра; герой-медиум: маргинал / программист; тип времени: пунктирный, дискретный.

Узбекская модель — функция чуда: свидетельство о травме; источник магии: ислам / суфизм + анимизм; риторика: трагическая модальность; герой-медиум: старик / депортированный; тип времени: циклический, совмещающий сельскохозяйственный ритм и фатум.

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что магический реализм

представляет собой транскультурную нарративную стратегию, инвариантными признаками которой являются: отмена онтологического шока, гипертрофированная телесность, циклическое время, наличие персонажа-медиума и синкретизм домодерных верований с нарративом модерности.

Латиноамериканская модель (Г. Г. Маркес, Х. Кортасар) представляет собой небарочный мифологизм, сохраняющий эпическую серьёзность и карнавальное отношение к смерти. Русская модель (В. Пелевин, Т. Толстая) — это постмодернистский магический реализм с иронической доминантой, где чудо не столько переживается, сколько анализируется, а магический элемент служит для деконструкции любой онтологии. Узбекская модель (Х. Исмаилов, У. Хамдамов) — травматический суфийский магический реализм, наиболее близкий к латиноамериканскому эталону по формальным признакам, но отличающийся трагической тональностью и суфийской семантикой чуда.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении корпуса анализируемых текстов за счёт узбекоязычной прозы, в гендерном анализе женского магического реализма в трёх культурах, а также в сравнительном изучении кинематографических версий магического реализма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. — М.: Институт славяноведения РАН, 1998. — 120 с.
2. Жаринов Е. Вера в миф: магический реализм [Электронный ресурс] // Orpheus Radio. — 2014. — URL: <https://orpheusradio.ru>
3. Исмаилов Х. Библиотекарь. — М.: Эксмо, 2005. — 352 с.
4. Исмаилов Х. Железная вдова. — М.: Астрель, 2006. — 384 с.
5. Каримов З. А. Магический реализм в рассказе Зульфии Куролбой кизи «Древняя песня» в контексте магического реализма // Филология. Теория и практика. — 2024. — Т. 17. — Вып. 10. — С. 35–42.
6. Кислицын К. Н. Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. — 2011. — № 1. — С. 101–105.
7. Кофман А. Ф. Истоки магического реализма в латиноамериканской литературе // Латинская Америка. — 2015. — № 1. — С. 44–52.
8. Маркес Г. Г. Сто лет одиночества / пер. М. Былинкиной. — М.: АСТ, 2017. — 432 с. (Оригинал опубликован в 1967 г.).
9. Миролубова А. Ю. «Последний раз» Гильермо Мартинеса: латиноамериканский бум и его оценка спустя 60 лет // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2023. — Т. 20. — № 3. — С. 532–548.
10. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. — М.: Вагриус, 1996. — 416 с.
11. Смола К. Что такое путинский магический реализм? // Неприкосновенный запас. — 2020. — № 4 (132). — С. 150–157.
12. Толстая Т. Н. Кысь. — М.: Подкова, 2000. — 384 с.
13. Хамдамов У. Чёрная тетрадь. — Ташкент: Шарк, 2001. — 208 с.
14. Etkind A. Stories of the undead in the land of the unburied: magical historicism in contemporary Russian fiction // Slavic Review. — 2009. — Vol. 68. — No. 3. — P. 1–25.
15. Farris W. B. Ordinary Enchantments: Magical Realism and the Remystification of Narrative. — Nashville: Vanderbilt University Press, 2004. — 256 p.
16. Jameson F. On magic realism in film // Critical Inquiry. — 1986. — Vol. 12. — No. 2. — P. 301–325.